Васька-пьяница и Кудреванко-царь (2)

А ишше шли-де туры подле синё морё,
А переплыли туры дак за синё морё,
А переплыли туры-ти на Буян-остров.
А идут по Буяну, славному острову,
А им настрету — турица златорогая,
Златорогая туриця однорогая,
А [и]шше им-то туриця — родная матушка.
Говорыт тут-то туриця златорогая:
«Уж вы здрастуйте, вы туры вы златорогие!
Ишше где же были, где вы хо́дили?»
Отвечают туры ей златорогие:
«Ишше были мы, матушка, во Шахови,
Государыня наша, мы были во Ляхови;
Нам слуцилосе итти мимо стольней Киев-град,
Мимо Божию-ту церковь Воскрисеньскую;
Выходила девица из Божьей церкви,
Выносила она Книгу на буйной главы
А забродила в Неву-реку по поесу,
Она клала где Книгу на сер-горюць камень,
Она клала, цитала, сама слезно плакала».
А говорыт им турица златорогая,
Златорогая турица однорогая:
«Уж вы глупые туры, вы неразумные!
Не девиця выходила из Божьей церкви,
А выходила Мати Божья Богородица;
Выносила она Книгу Евангелье,
Выносила Евангелье на буйной ґлавы,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Она клала Евангелье на сер-горюць камень,
А цитала-де Книгу, слезно плакала:
Она цюёт над Киевом незгодушку,
Она цюёт-де над Киевом великую!
Подымаицьсе собака Кудреванко-царь
Со любимым со зятилком со Артаком,
А со любимым со сыном он со Коньшиком.

А у Коньшика силушки было — сорок тысицей,
А у Артака силы-то было — сорок тысецей,
А у самого собаки — дак цисла-сметы нет,
Цисла-сметы-де нету, пересметушки!..»
Как стоял-то сузёмоцёк лесу темнаго —
Подходило царишшо Демьянишшо,
А становило шатры чернополотняны.
Тут покрыло луну в поли красного солнышка
От того же от пару лошадиннаго,
А от того же от духу от тотарьскаго.
А как садилосе царишшо на ременьцят стул,
Он писал-де ёрлыки скорописьцяты.
Не пером он писал, не чернилом же —
Вышивал-де он золотом по бархату;
А писал он ерлыки, запечатывал.
А выходил царишшо да из черна шатра,
А скрычал он своим да громкием голосом:
«Уж вы ой еси, пановье-улановье,
Ишше все мои поганые тотаровье!
А ишше хто из вас съездит да в красен Киев-град
А свезёт ерлык да скорописьцятой?»
Выбиралосе Издолишшо проклятоё;
Он брал-де ерлыки во белы руки,
А скорёшенько скакал на добра коня.
Он и в город-от поехал не дорогою,
Он в Киев-от заехал не воротами —
Он скакал церез стенушки городовые,
Церез те же он башонки наугольние.
А он прямо-де едёт ко грыдьни княжоневское.
Соскоцило Издолишшо со добра коня —
Оставляёт коня он не приказана,
Не приказана коня он, не привязана.
А скорёшенько бежало на красно крыльцо,
Отворяёт ворота, двери на пяту.
Он Ґосподу Боґу не молиццэ,
Он князю Владимеру челом не бьёт,
Он кнегинушки Опраксии не кланеицсэ.
А бросало Издолишшо ёрлык дак на дубовой стол,
А бросал он, кинал — да сам вон пошол.

А берёт князь Владимер ерлык в руки,
А берёт князь Владимер, роспечатыват,
А читаёт ерлык, дак сам слезно плачет.
А собирал князь Владимер бал, почесьён пир,
А он про тех же про князей, про бояров,
А он про руськиих могуциих боґатырей,
А он про тех поленицей при(й)удалыех,
А он про тех же казаков со тиха Дону,
Он про тех же калик перехожие,
Перехожие калик было переброжие,
А про тех же хресьянушок прожитосьних.
А ишше все-де на пиру дак напивалисе,
Ишше все же на чесном дак наедалисе,
Ишше все же на пиру сидят пьяны-весёлы —
А весёлая беседушка не на радошшах.
А говорит князь Владимер таковы слова:
«Уж вы ой еси, князи мои, все бояра,
Уж вы руськие могучие мои боґатыри,
Ишше все же поленицы вы при(й)удалые
А ишше все же хресьянушка прожитосьни!
Ишше хто из вас съездит да во чисто полё
А пересметит-де силушку у Скурлака,
Привезёт пересмету в красен Киев-град?»
Ишше большой-от хороницьсе за средьнего,
Ишше средьней-эт хороницьсе за меньшеґо,
А от меньшого там, браццы, — ответу нет!
А говорыл князь Владимер по второй након:
«Уж вы ой еси, князи вы, все бояра,
Уж вы руськие могуцие мои богатыри,
Уж вы все же поленицы при(й)удалыи,
Уж все же казаки со тиха Дону,
Уж вы все же калики перехожие,
Уж вы все же хресьянушка прожитосьни!
А ишше хто из вас съездит да во чисто полё
А пересметит всю силушку Скурлака,
А привезёт пересмету в красен Киев-град?»
Ишше большой-от хороницьсе за средьнего,
А средьней-от хороницьсе за меньшого,
А от меньшого там, браццы, — ответу нет!

Говорыл князь Владимер по третьей након.
И-за того же з-за стола было з-за окольнёго,
Из-за той з-за скамеецьки было белодубовой
А выстават-де удаленькой доброй молодец,
И кабы на имя Добрынюшка Микитиць млад.
А ставаёт Добрынюшка на резвы ноги,
А говорыт тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимер стольне-киевской!
А Вы позвольте-ко мне-ка слово сказать —
Не позвольте меня за слово сказнить,
За слово меня сказнить, скоро повесити!»
А говорыт-то Владимер стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Говоры-ко, Добрыня, тебе що надобно».
А говорит тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимер наш стольне-киевской!
А на твоём на кружале есь государевом,
А на твоём на царевом большоём ка́баки
А ишше есь где-ка Васька, горька пьяница.
Он можот-де съездить да во чисто полё
А пересметити силушку Скурлака,
Привезти пересмету в красен Киев-град!»
А надевал князь Владимер шубку собо́лью;
А побежал по кружалу государеву,
А ко тому же ко цареву большему кабаку,
А заходил тут Владимер во царев кабак —
Тут и спит где-ка Васька, горькая пьяница.
Он спит-де на пеценьки на муравленой;
Он спит-де, храпит — да как порог шумит.
А говорыт князь Владимер таковы слова:
«Уж ты ста́нь-ко, Васи́лей, пробужа́йсе,
Со вели́кого похме́льиця направля́йсе!»
Говорыт ему Васька, горькая пьяница:
«Уж ты солнышко Владимер стольне-киевской!
А не могу-де я стать да головы поднять:
И болит у меня ведь буйна голова,
И шипит у меня да ретиво серцо».
А говорит князь Владимер таковы слова,
Говорит он цюмаку-человальнику:

«Наливай-ко-се чарочку зелена вина,
Ты не малу, не велику — полтара ведра!»
А наливал цюмак чароцьку зелена вина —
Подавали где Васьки, горькой пьяницы.
А он сел-де на пеценьки, Васька, на муравленой:
Он будто старык дак девеноста лет.
Он прималсэ за чарочку единой рукой —
А выпивал-де он чарочку к едину духу.
А он слез-де со пеценьки со муравленой.
А говорит князь Владимер таковы слова,
Говорит он цюмаку-человальнику:
«Наливай-ко-се чарочку по второй же раз!»
А наливал цюмак чарочку по второй-де раз —
Подавали тут Васеньки, горькой пьяницы.
Как прымаицсэ за чарочку единой рукой —
А выпиваёт он цяру к едину духу.
Говорит князь Владимер цюмаку да человальнику:
«Наливай-ко-се цяроцьку по третьей раз!»
А наливал цюмак цяроцьку по третьей раз —
А подавали где Васеньки, горькой пьяницы.
Как прымалсэ Василей за чару единой рукой —
Выпивал-де он цяроцьку к едину духу.
А он нацял по кабаку похаживать,
А и белыма руками стал помахивать,
А он русыма кудрями стал натряхивать:
А он и стал, молодець, да дваццати годов.
Говорыт-то Василей таковы слова:
«Ус ты солнышко Владимер стольне-киевской!
А послужил бы я тибе я верой-правдою,
Неизменушкой я тибе великою —
А заложена у мня сбруюшка боґатырьская,
А заложон у мня нонеце доброй конь,
А заложон у мня ноньце тугой лук,
А заложена вся сбруюшка боґатырская!
А не во сти рублях и не в пети же стах,
А заложоно у мня ведь в пети тысецях!»
А говорыт князь Владимер таковы слова,
Говорыт он цюмаку-человальнику:
«Ты отдай-ко-се коня Васеньки доброго,

Ты отдай-ко-се ему сабельку вострую,
Ты отдай-ко-се ёму копьё долґомерное,
Ты отдай-ко-се ему палицу боёвою,
Ты отдай-ко-се ему нонеце тугой лук,
Ты отдай же кольцюжину каленыех стрел,
Ты отдай же всю сбруюшку боґатырскую!»
А отдает человальник всю сбрую боґатырскую.
А пошол-де Василей да со царева кабака,
Он со тем же со князём со Владимером
А по тому по кружалу государеву
А ко тому ко широкому к дому княжоневскому.
А говорит-то Василей таковы слова:
«А уж ты солнышко Владимер стольне-киевской!
А ишше сходим мы с тобой на высок балхон,
А посмотрим-ко из трубочки подзорною,
А посмотрим на рать-силу великую».
А побежали со князём на высок балхон,
А смотрели из трубочки подзорное,
А смотрели на рать-силу великую —
А завидели шатры чернополотняны,
А завидели царишша Демьянишша.
Тут натегивал Васенька свой тугой лук,
Он тугой свой лук нонь розрывцивой,
Он клал-де-ка стрелоцьку каленую:
«Полети-ко, моя стрелоцька каленая!
А не на землю падай, не на воду —
Ишше прямо ты к царишшу во черны груди;
Роспори-ко у царишша черны груди,
Росколи-ко у царишша ретиво серцо!»
А полетела тут стрелоцька калёная —
А не на землю падала, не на воду,
А она прямо ко царишшу во черны груди:
А роспорола у царишша черны груди,
Росколола у царишша ретиво серцо.
А ишше тут-то царишшу славы поют,
А славы-де поют и старину скажут.
А тут пошли они со князём со высока балхону.
А говорит это Василей, горька пьяница:
(Он седлал-де, уздал себе конецька доброго,

А накладывал уздиценьку тесьмянную,
Он накладывал седёлышко черкальскоё,
Он вязал-де подпруги все шелковыя,
Он двенаццать под[п]руг да шолку белаго,
Он тринаццату под[п]ругу — церез хребетну кость):
«А мне не ради басы было — ради крепости,
А ишше ради окрепы боґатырьское,
Ишше ради поезки молодецкоей!»
А только видели: молодець на коня скоцил,
А не видели поезки боґатырьскоей.
А он доехал до силушки до великое,
Он начал по силушки поежживать,
А он вострой-то сабелькой стал помахивать.
Он куда не приедёт — улицэй валит,
А назадь отмахнёт, дак тут — плошшадью.
Он бил-де, рубил силу трои сутоцьки —
А перебил он всю силушку поганую:
А не оставил тотаровям на семена!
Тут поехал Василей в красен Киев-град —
А стречаёт Владимер стольне-киевской.
Говорыл-де тут Васенька, горькая пьяница:
«Уж ты солнышко Владимер стольне-киевской!
А послужил я тибе верой-правдою,
Неизменушкой я тебе великою!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тя́росова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.